

Телефонъ редакціи № 19.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Телефонъ конторы и типографіи № 15.

ЕЖЕДНЕВНО 6 СТРАНИЦЪ.

Харьковъ. Среда, 14-го (27-го) Іюля 1904 года.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ № 8151.

ОТКРОВЕННЫЕ РАЗГОВОРЫ.

О Чеховѣ, „свѣжихъ устрицахъ“ и о прочемъ...

Похоронили Чехова...

Много было сказано за эти дни теплыхъ, искреннихъ рѣчей объ этомъ чудномъ писателѣ, одномъ изъ самыхъ искреннѣйшихъ русскихъ людей.

Но... какъ это и всегда бываетъ, много было и крикливой пошлости, много было и самодовольнаго кривлянія, много было кликушества и даже прямо несуразностей...

Если бы Чеховъ какимъ-нибудь чудомъ могъ прочесть все, что о немъ написано за эти дни, онъ, со свойственнымъ ему тонкимъ чутьемъ, конечно, съумѣлъ-бы отдѣлить „плевелы“ отъ „пшеницы“, и я думаю, что у него сразу явилась-бы масса матеріала и для грустныхъ, и для смѣшныхъ рассказовъ...

* * *

Какъ и слѣдовало ожидать, уже возникъ (правда, въ самой слабой степени) вопросъ о томъ, къ какому „лагерю“ надо причислить Чехова...

У насъ безъ этого никакъ нельзя...

„Лагерь“ и „направленіе“—это нѣчто такое, что у насъ считается выше таланта, выше искренности...

И вдругъ... я съ удивленіемъ прочелъ въ одной провинціальной газетѣ, въ воспоминаніяхъ о Чеховѣ такія слова, вложенныя въ уста Чехову:

Я, вообще говоря, не принадлежу ни къ какому лагерю... Съ глубокимъ уваженіемъ, конечно, отношусь къ представителямъ передовой литературы... Но въ эту армію затесались многіе кликушествующіе „либералы“... Безъ истинной вѣры, безъ души, главное, безъ тѣни дарованія...

Чеховъ назвалъ нѣсколько именъ.

— Меня, право, изумляетъ иногда публика. Читающая публика. Она почти не умѣетъ отличать искренній порывъ отъ пошлаго сбезьяничанья. *Либерализмъ отъ либеральничанья.* Либерализмъ симпатиченъ. Либеральничанье пошло... Но для огромнаго большинства публики и то, и другое одинаково почтенно. Непостижимо!... Либеральничать—почтенно?!

Замѣтьте, что это мнѣніе Чехова, мнѣніе, разумѣется, вполне искреннее, о „либерализмѣ“ и „либеральничаньи“ воспроизведено было именно въ газетѣ „либеральничающей“, но, конечно, считающей себя „либеральной“...

Могу себѣ представить, съ какимъ ужасомъ прочтутъ это мнѣніе всѣ тѣ либеральничающіе интеллигенты и публицисты, которые причисляютъ себя къ „либераламъ“ и считаютъ Чехова „своимъ“!...

* * *

Обиднѣе всего, что въ печальные и грустные чеховскіе дни, сквозь искреннюю печаль и грусть, все-таки кое-гдѣ прорывались и совсѣмъ юмористическія нотки...

Напримѣръ, въ „Петербургской Газетѣ“, на той самой страницѣ, которую украшалъ Чеховъ своими произведеніями въ началѣ своей карьеры, появилось, совершенно серьезное, повидимому, стихотвореніе какого-то г-на Н. Георгіевича „На гробъ Чехову“. Но въ этомъ серьезномъ стихотвореніи есть, напримѣръ, такіе „перлы“:

...Воняетъ соломой гнилою

Перепрѣлымъ навозомъ и чьимъ-то дру-

гимъ(?)

Не поймешь чьимъ, но тоже какою-то

гнилью(?)

И далѣе:

...И Чеховъ назвалъ дорогимъ,

Близкимъ сердцу, роднымъ этотъ будничныи

видъ,

Полный нищенской грязи, тупого молчанья...

Никогда не слыхала я страннѣйшій замѣ-

чанья...

И все это, все это „воняющая солома гнилая“, весь этотъ „перепрѣлый навозъ“ несется не въ мѣру усерднымъ приемачемъ... „на гробъ Чехова!“

По поводу этого на рѣдкость несуразнаго стихотворенія мнѣ припомнился одинъ покойный мѣстный общественный дѣятель—очень милый и симпатичный старикъ, который имѣлъ одну слабость—на торжественныхъ обѣдахъ говорить рѣчи и „отъ избытка чувствъ“ договариваться до невѣроятныхъ курьезовъ...

Помню, какъ лѣтъ двадцать тому назадъ на обѣдѣ въ честь отъѣзжающаго губернатора, отличавшагося очень достой-

нымъ и энергичнымъ характеромъ и, между прочимъ, очень слѣдившаго за чистотою города, этотъ горе-ораторъ въ своей рѣчи, перечисляя всѣ заслуги губернатора, съ пафосомъ воскликнулъ:

— Ваше превосходительство: *Гдѣ грязь, тамъ и вы!*

Ну, развѣ это не напоминаетъ вамъ цитированнаго мною стихотворенія?

Ну, развѣ это классическое восклицаніе вмѣстѣ съ тѣмъ „новознымъ“ стихотвореніемъ не матеріаль для чисто-чеховскаго юмора?!

Въ тотъ самый день, когда я недоумѣвалъ надъ этими стихами, мнѣ принесли съ почты письмо, которое я воспроизвожу въ его полной неприкосновенности:

„Покорнейшѣ прошу не отказать поместить въ вашей статьи мой *нелѣпный но гуманный стихъ*.“

Чеховъ.

Умертвѣла дорогого

Нашего русскаго певца

Смерть, въ могилу опустила

И поэта, и певца.

Онъ для насъ былъ милъ всегда

И гени въ стихахъ (?) его гремѣли

Изъ устовъ его всегда

Громко, сладко все звенѣли.

Но вотъ смерть пришла къ нему

Отвела его въ могилу,

Но прахъ поэта навсегда всему

Сердцу мило!“

По истинѣ „нелѣпный, но гуманный стихъ!“

Но вѣдь, эту „гуманную нелѣпность“ пишетъ совсѣмъ безграмотный человѣкъ, и печатается онъ мною только въ видѣ курьеза.

А вѣдь, „стихъ“ Г. Н. Георгіевича, тоже, можно сказать, „нелѣпный, но гуманный“, *напечатанъ* въ одной изъ распространенныхъ столичныхъ газетъ!....

Бѣдный Чеховъ!

* * *

Это восклицаніе, я думаю, вырвется у васъ еще разъ, если вы узнаете, что прахъ любимаго писателя прибылъ изъ-за границы въ Петербургъ въ томъ вагонѣ, на которомъ красовалась надпись:

„*Вагонъ для перевозки свѣжихъ устрицъ*“.

Вообразите, какъ расхохотался бы самъ Чеховъ, узнавши о томъ, что онъ послѣ смерти сдѣлался „свѣжей устрицей“!..

Но... при всей смѣхотворности этого курьеза намъ, живымъ, право не до смѣху!..

Этотъ курьезъ показываетъ только обычную желѣзнодорожную небрежность...

Но какъ онъ оскорбителенъ для памяти прекраснаго писателя!..

Какая злая, обидная, до боли горькая иронія звучитъ въ этихъ „свѣжихъ устрицахъ!“.

Неужели же на пути отъ границы до Петербурга никому въ голову не пришло замарать эту неумѣстную надпись?!

Впрочемъ... что такое Чеховъ для русскихъ желѣзнодорожниковъ?!

* * *

Ну, а что такое Чеховъ для нашего интеллигентнаго Харькова?...

Повидимому, тоже нѣчто вродѣ... „свѣжей устрицы“...

Прошло уже двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ, а у насъ никто даже не подумалъ отслужить панихиду по немъ...

Скажутъ пожалуй, что теперь всѣ разѣхались, некому было объ этомъ вспомнить...

Изъ другихъ городовъ уже многіе „разѣхались“, а между тѣмъ... Вотъ, на примѣръ, Херсонъ...

Это—городъ, о которомъ одинъ острякъ, попавшій туда не въ глухой сезонъ, выразился такъ, что, молъ городъ этотъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто, всѣ жители уѣхали изъ него въ другой городъ...

Городъ сонный, почти мертвый...

А вотъ подите же... въ тамошней общественной библіотекѣ была отслужена панихида по Чехову и при томъ въ присутствіи многочисленной публики, отправившей очень теплую телеграмму въ Москву...

У насъ тоже есть общественная библіотека, но панихиды въ ней не было...

Да и телеграммы изъ Харькова тоже никто не посылалъ...

Ничего не подѣлаешь!..

„Мертвый сезонъ“, во время котораго мы „оживаемъ“ только въ кафе-шантанахъ да въ ресторанахъ...

А Чехова... Чехова оставили до зимы... —въ вагонѣ для перевозки свѣжихъ устрицъ“!..

Василій Ивановъ.